

Игорь
ВЛАДИМИРОВ

Судьба любого выдающегося художника неразрывно связана с жизнью его народа и страны. Тридцатые годы нашей недавней истории изображены Михаилом Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита», герои которого живут и действуют в царстве победившего Антихриста, но едва ли с не меньшей силой эти годы отразились в событиях и течении жизни писателя. Собственная жизнь Булгакова глубоко трагична, величественна и в этой сути поднимается до уровня земного существования Пушкина, Гоголя и Достоевского.

В 1929 году в России происходит переворот, который по замыслу незаконных властителей страны должен был довершить кровавую развязку семнадцатого года. Политико-репрессивные акции были предприняты против объединения крестьянских писателей и литературной группы «Перевал», участники которой выступали за сохранение традиций русской классической литературы, в советской прессе была также развернута злонамеренная клеветническая кампания и по отношению к наиболее талантливым и выдающимся в те годы писателям — Булгакову, Замятину, Пильняку и Платонову.

Забегая вперед отметим, как сложилась судьба некоторых из них. Замятину удалось выехать в 1931 году во Францию, но ничего значительного там создать ему не довелось. За пять с лишним лет, проведенных на чужбине, вплоть до самой его смерти, не вышло ни одной новой книги Замятина, быстро убывающие силы были потрачены на добывание средств к существованию.

Пильняк был прощен, потом выходили новые книги и разрешались зарубежные поездки, но в конце 37-го года Пильняк был арестован и затем убит в чекистском застенке.

Михаилу Булгакову в выезде за границу отказывали неоднократно, начиная с 1928 года. Не только Максимilian Волошин точно оценивал громадный духовный и художнический потенциал писателя. В дальнейшем к мотивировкам отказа в выезде добавлялись боязнь разоблачения акции заграничной агентуры ГПУ по фальсификации романа «Белая гвардия», осуществленной в 1929 году в Париже. В связи с этим обращает на себя внимание та свобода, с которой действовали агенты и резидентура ГПУ во Франции.

В письме, направленном на имя Максима Горького, Булгаков пишет: «...все, что написано мной за 10 лет работы в СССР, — уничтожено. Остается уничтожить последнее, что осталось, — меня самого». Но большевистский режим после открытого убийства Николая Гумилева больше не осмеливается прибегать к подобным демонстративно устрашающим мерам, но действует тайно, как в деле убийства Сергея Есенина, которое было инсценировано под самоубийство. К июлю 1929 года были запрещены все пьесы Михаила Булгакова, шедшие в Художественном, Вахтанговском и Камерном театрах. Еще раньше начал действовать запрет на издание прозаических сочинений. Сама клеветническая кампания в форме широкой публикации бесспорных и злобных статей в газетах и журналах, всяческих уничижительных общественных судов и обвинений была инициирована на самом высоком партийном и правительственном уровне, а среди исполнителей было немало ответственных номенклатурных деятелей. Так, приснопамятный Орлинский был не просто литературным критиком, как принято считать, а являлся, ни много ни мало, заведующим отдела Московского комитета партии. До этого был обыск в доме писателя с изъятием «Дневника» и рукописи «Собачьего сердца», допрос в ОГПУ в день генеральной репетиции «Дней Турбиных». Переписка Булгакова не только контролируется, но и грубо прерывается, как это было сделано в отношении переписки с братом Николаем.

К 30-му году большевистский режим задался целью если не уничтожить, то сломать писателя. Но к этому времени имя Булгакова становится достаточно широко известным в европейских странах, и 18 апреля 1930 года состоялся неожиданный для Булгакова телефонный разговор со Сталиным. Писателю было дано понять, что ему возвращается право на существование в СССР. Здесь уместно вспомнить тактику большевистских вождей, которые после злодейских

репрессий любили объявлять об имевших место небольших перегибах.

Михаил Булгаков получает право на определенное социальное положение, его принимают консультантом Театра рабочей молодежи, чуть позднее зачисляют на должность режиссера-ассистента в труппу Московского Художественного театра. По заказу руководства театра приступает к работе над инсценировкой «Мертвых душ» — это первый случай в его жизни, когда приходится отходить от своего главного творческого направления, и который он так комментирует в письме П. Попову — «...дела сверх головы и ничего не успеваешь и по пустякам разбиваешься...». В. Вересаеву сообщает, что «...надеюсь, поверите, если скажу что театр меня съел

«Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено», — говорит Коробьев в романе «Мастер и Маргарита».

Был скоро возрожден институт домашней прислуги, большевистские сановники окружают себя целыми штатами такой obsługi. Все это становится нормой, и Булгакову приходится братья за бесчисленные литературные заказы, много и напряженно работать, стать чуть ли не литературным поденщиком, для того чтобы обеспечить жене и ее сыну тот уровень комфорта, к которому они привыкли. Помимо постоянной домработницы и воспитательницы Сергея, приходилось оплачивать работу прихо-

мятина, не доходят до него и письма самого Булгакова.

Усиливается психологическое давление через близких Булгакову людей. От своего ближайшего друга художника Дмитриева он слышит: «Пишите агитационную пьесу!» На вопрос Булгакова о том, кто его подослал, уже не сдерживаясь, кричит: «Довольно! Вы ведь государство в государстве! Сколько может это продолжаться? Надо сдаваться, все сдались. Один вы остались».

В своих кажущихся неудачах Булгаков продолжает винить прежде всего самого себя, делает на рукописи последнего «закатного» романа пометку — «дописать раньше, чем умереть» и работает над ним урывками, но продолжает работу над ним, видя в этой работе выпол-

МИХАИЛ БУЛГАКОВ: 30-е ГОДЫ

лит. Россия. — 1996. — 16 февр. — с. 13

начисто. Меня нет. Преимущественно «Мертвые души».

Происходят изменения в частной жизни Булгакова, впрочем, значение слова «частной» достаточно относительно и эта сторона жизни, как и все у Булгакова, неразрывно связано с творческой деятельностью и общественной позицией. Еще в феврале 29-го года состоялось знакомство с Еленой Сергеевной Шиловской, женой высокопоставленного красного командира, которое переросло в любовный роман. После полуторагодичной разлуки они вновь встречаются по инициативе Елены Сергеевны, следует решающее объяснение Булгакова с мужем Елены Сергеевны и, наконец, 4 октября 1932 года Михаил Булгаков и Елена Шиловская «венчаются в ЗАГСе». Потом полтора года ждут переезда в писательский кооперативный дом в Нащокинском переулке, куда в начале 34-го года Булгаков въезжает с женой и младшим сыном Елены Сергеевны. Елена Сергеевна устанавливает раз и навсегда заведенный порядок в доме. Одна комната отводится семилетнему Сергею с бонной-воспитательницей, средняя большая комната становится гостиной, а в третьей — устраивается супружеская спальня. Большая писательская библиотека определяется на жительство в коридор, поскольку хорошо известно, что книги являются прекрасными аккумуляторами пыли. Итоги домоустройства подведены в письме Павлу Попову, первому биографу писателя: «В спальне повис фонарь. Что касается кабинета, то ну его в болото! Ни к чему все эти кабинеты». В дальнейшем, однако, Булгаков неоднократно ходатайствует о предоставлении ему большей квартиры, мотивируя отсутствием условий для работы дома.

Одновременно происходят значительные изменения в товарищеском окружении Булгакова. Многие из его друзей арестовывают и выслают из Москвы в ходе репрессий 29-го года, да и вся остальная пречистенская среда, в которой долгое время вращался Булгаков, в глазах Елены Сергеевны, светской дамы с обширными связями в правящей элите, выглядела, по меньшей мере, сомнительным сборищем неприкаянных людей. Своего же мужа Елена Сергеевна хотела видеть преуспевающим драматургом и писателем, занимающим достойное место в советском обществе.

В «Дневнике» Елены Сергеевны упомянут один из таких литературных дельцов, некто С. Бройде, богатый человек, владелец лучшей квартиры в писательском доме, за которого, как оказалось, писали книги наемные литературные поденщики. Литературные обычаи тех лет не требовали от человека обязательного владения минимальной техникой писательского ремесла, но и даже нормального знания русского языка. Владислав Ходасевич из дальнего зарубежья заметил: «Да русская общественность существует скорее на Марсе, чем в Москве».

Лепили халтуру со свистом и под пение «Интернационала», а как потом выяснилось, за большие, очень большие деньги. Дельцы на ниве культуры и литературы зачастую имели месячный доход, в десятки раз превышавший месячную зарплату среднего рабочего или инженера. Но и этих денег не хватало, поэтому занимались еще и банальным казнокрадством через гонорарные фонды или агентство по авторским правам

дядей прислуги — модистки, парикмахера, маникюрши и т.д. Во время последней болезни Булгаков скажет — «Высший технический персонал — я <...> Низший — Лоли, Марфуша».

В процессе работы над сценарием «Ревизора» для Киевской киностудии Булгаков неожиданно заочно сталкивается с давним своим ненавистником Шкловским. Пытаясь отобрать у своего литературного собрата заказ на уже почти готовый сценарий, Шкловский начинает действовать окольными путями через оргкомитет, организует заметку в «Литературной газете», в которой сообщается о постановке «Ревизора» по его сценарию. В драматургии верховодит тень «авторитет» В. Киришона, близкий родственник главы ГПУ Ягоды. На дачу к Киришону приезжает начальник Главреперткома Литовский для выработки репертуарной политики всех театров Союза, согласования вопросов по разрешению или запрещению отдельных пьес. Оба ненавидят Булгакова всеми фибрами, многократно выступали в печати с нападениями на него.

Каким-то разнообразием в жизни Булгакова стала возможность общения с сотрудниками иностранных дипломатических миссий в Москве, посланцами того мира, в который дорога ему была заказана. Известно, что бал в американском посольстве послужил творческим импульсом для описания «Великого бала у Сатаны», но, пожалуй, прошло мимо внимания литературоведов знакомство Булгакова на вечеринке у советника американского посольства Уайли с французским писателем Антуаном де Сент-Экзюпери, который приехал в Москву в апреле 35-го года в качестве корреспондента парижской газеты «Пари-суар» и затем опубликовал в этой газете ряд очерков о своих московских впечатлениях, может статься, и театральных тоже.

На протяжении всех этих лет за Булгаковым ведется плотная слежка, которой иногда придают демонстративно открытый характер для усиления психологического воздействия. В доме появляются новые люди, которые под предлогом обсуждения литературных дел ведут едва замаскированные расспросы, затевают провокационные разговоры, один из «друзей» дома устраивает обыск в рабочем бюро писателя. Но Булгаков живет открыто и бесстрашно, не только поддерживает отношения со своими репрессированными друзьями, но помогает Ахматовой писать письмо в защиту мужа и сына, сам хлопочет о смягчении наказания для Николая Эрдмана.

Летом 1934 года в «Дневнике» Елены Сергеевны первое упоминание о симптомах депрессивного расстройства — страхе смерти, одиночества, пространства. Осень того же года — «...плохо с нервами, боязнь пространства, одиночества, боязнь ходить одному по улицам». В течение полугода Булгаков был не в состоянии выходить без сопровождения на улицу. В 37-м году приступы подобного расстройства возобновляются. Сильнейшим ударом стало запрещенные пьесы «Мольер» через три недели после премьеры в сопровождении обычной клеветнической травли в газетах. Из-за рубежа приходят известия о том, что гонорары писателя расхищаются Каганским, следует очередной перерыв в переписке с братом, живущим в Париже, перестали приходить письма от За-

нение долга русского писателя перед своим народом и Родиной. Закончив перевод рукописи в машинописную редакцию, Булгаков за год до смерти приступает к написанию пьесы о молодом Сталине, которую и заканчивает через полгода. В случае удачи семья была бы обеспечена и после его смерти. Пьеса «Батум» и по сей день представляет не до конца разрешимую загадку даже для исследователей, но, быть может, понимание замысла писателя и мотивация этой работы станут ясными при жизни последующих поколений, когда наше недавнее прошлое будет видно более четко и отчетливо, а художественная магия, заключенная в произведениях Михаила Булгакова, раскроет неожиданные и поразительные стороны истории России двадцатого века.

В одном из писем Булгаков напутствовал младшего брата Николая: «Будь блестящ в своих исследованиях, смел, бодр и всегда надейся». Сам Михаил Булгаков был блестящим собеседником, рассказчиком, был блестящ в своих письмах и литературных произведениях. И тут же приходит на память исчезнувшая на долгое время строка из «Белой гвардии» — «Все Николкой было налажено как следует, как все, что его приучили делать в инженерном высшем училище». В это понятие «делать все как следует» применительно к самому себе Булгаков включал и то, что должен был оставить после себя друга, ученика, которому мог бы передать свой писательский и нравственный опыт, итоги раздумий о судьбе страны, чтобы не прерывалась «связь времен». И Булгаков делал это исключительно деликатно, памятуя главную врачебную заповедь — не навреди. Сергею Ермолинскому сразу же перебили крылья, арестовав через полгода после смерти друга и Учителя.

До самой своей смерти, до того самого дня, когда еще была хоть малая толика сил, Булгаков правил своей «закатной» роман и диктовал дополнения. Прекрасно понимая, что публикация невозможна, тем не менее ему было важно, чтобы люди хотя бы знали, что он дописал этот роман, выполнил долг и до самого конца высоко держал свою писательскую честь.

Единственное, о чем он просил свою жену, предвидя как врач течение своей смертельной болезни, и взял с нее слово в том, что она не отдаст его в больницу, где бы ему пришлось умирать в полном одиночестве в палате смертников с окнами, затянутыми наглухо белой марлей.

Елена Сергеевна дала ему слово и сдержала его. Михаил Афанасьевич Булгаков скончался 10 марта 1940 года в своей постели, в своем доме.

В одной из черквей Калуги была заочно отслужена зауспокойная панихида по усопшему рабу Божию Михаилу